Рецензии

УДК 133
DOI: 10.28995/2658-4158-2021-4-117-130

Рецензия на книгу: *Noakes R.* Physics and psychics. The occult and the sciences in modern Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 403 p.

Владислав С. Раздъяконов
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, razdyakonov.vladislav@gmail.com

Для цитирования: Раздъяконов В.С. [Рец.]: *Noakes R.* Physics and psychics. The occult and the sciences in modern Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 403 p. // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2021. № 4. С. 117–130. DOI: 10.28995/2658-4158-2021-4-117-130

Book review: *Noakes R.* Physics and psychics. The occult and the sciences in modern Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 403 p.

Vladislav S. Razdyakonov
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, razdyakonov.vladislav@gmail.com

For citation: Razdyakonov, V.S. (2021), [Book review]: "*Noakes R.* Physics and psychics. The occult and the sciences in modern Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 403 p.", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 4, pp. 117–130, DOI: 10.28995/2658-4158-2021-4-117-130

© Раздъяконов В.С., 2021

Книга английского историка науки Ричарда Ноакса посвящена физическим исследованиям явлений психизма в Англии последней трети XIX – первой трети XX в. Привлекая значительный архивный материал, прежде всего личную переписку ученых, Ноакс реконструирует мотивы и деятельность таких хорошо изученных в английской историографии исследователей, как Кромвель Варлей, Уильям Баррет, Уильям Крукс, Оливер Лодж, а также многих других, менее известных авторов. Труд впервые в английской историографии предлагает читателю целостное представление о характере и динамике отношения физиков к психическим исследованиям в рассматриваемую им эпоху. Ноакс указывает, что изучением явлений психизма занимались не только физики и психологи, а потому обозначение «физика и психика» указывает лишь на один из аспектов более сложного объекта.

Книга Ноакса разделена на шесть глав. Первая глава посвящена предыстории вопроса: автор рассматривает два процесса – институционализацию физики и развитие движений магнетизма и спиритуализма с 1770-х до 1860-х гг. Именно в это время появились исследователи, считавшие, что физика может способствовать разгадке устройства человеческой психики. С точки зрения Ноакса, Франц Антон Месмер «предпринял попытку расширить границы физики» (p. 26), а явления животного магнетизма представляли для физиков интерес, поскольку обещали прорывные открытия в областях человеческой физиологии и электромагнетизма. Ноакс рассматривает рецепцию концепции «ода» Карла фон Рейхенбаха в английской историографии, проясняя, как физическая теория стимулировала к ней интерес у разных по своим религиозным и научным убеждениям физиков. По мнению Ноакса, свойственное физической науке XIX столетия недоверие к человеку как инструменту познания послужило научной маргинализации учений животного магнетизма, поскольку их создатели опирались на показания «сенсетивов». В то же время интерес некоторых физиков к человеку как физическому медиуму был обусловлен логикой отдельных исследований той эпохи, прежде всего электрофизиологии (p. 67).

Многие представители еще одного маргинального с точки зрения научной ортодоксии, движения – спиритуализма – позиционировали свои исследования «как новый научный подход к религии и духовности» (p. 47), движение привлекло под свои знамена в 1860-е гг. таких известных английских ученых, как Варлей и Август де Морган. Основным предметом полемики между учеными-спиритуалистами и их критиками были условия проведения исследований. Большинство ученых отказывались признать тот факт, что во время исследования «физические эффекты зависели

от психологического состояния участников» (p. 53). Вера участников сеанса часто объявлялась спиритуалистами как одно из условий явлений, в то время как «скептицизм», или, по выражению одного из русских спиритуалистов, «подморизм» (в честь известного исследователя явлений психизма Франка Подмора), блокировал их появление и развитие.

Ноакс подчеркивает роль, которую сыграли в формировании физического направления психических исследований критики спиритуалистов, объяснявшие явления патологическим состоянием их психики. Физиолог Уильям Бенджамен Карпентер, стремившийся сделать психологию частью физиологии (и тем самым, в реалиях середины XIX в., поднять ее научный статус), популяризовал в 1853 г. понятие «идеомоторные движения», которые, по его мнению, могли возникнуть при отсутствии вмешательства со стороны сознательной воли. Карпентер определял индивида в таком состоянии как «мыслящего автомата», реагирующего на внешние раздражители; в такое состояние, в котором человек оказывался доступен «внушениям извне», можно было войти, например, фиксируя взгляд на одном ярком объекте – это был известный метод гипноза Джеймса Брейда. Карпентер был знаком с традицией животного магнетизма и, в принципе, так же как спиритуалисты, стремился построить «мост» между психическим и физическим, усматривая, однако, причину «явлений» не вне, но внутри человеческого тела, прежде всего в деятельности его нервной системы.

Важную роль в становлении физического подхода к явлениям психизма сыграл физик Майкл Фарадей, объявивший летом 1853 г., что для определения проблемы природы «явлений» достаточно методов физики. С этой целью он не только свидетельствовал об отсутствии действия известных физических сил на сеансах столоверчения, но также сконструировал специальные инструменты, показывающие, как – с физической точки зрения – участники подобных сеансов оказываются заложниками иллюзии существования внешних сил. Согласно заключению Фарадея, «явления» принадлежат не сфере физики, но сфере психологии, их следовало признать субъективными представлениями, а бороться с ними – как и со спиритуалистическим «суеверием» в целом – необходимо было просветительскими методами.

Именно Фарадей задал тренд на использование механических инструментов для исследования «явлений». Первой значимой спиритуалистической апологией стал труд американского химика Роберта Гэра «Экспериментальные исследования проявлений духа» (1855), в котором он описал опыты с созданным им прибором для определения действия неизвестной силы. Биолог-спиритуалист Альфред Рассел Уоллес, защищая в своей статье 1866 г.

«Научный аспект сверхъестественного» необходимость научного исследования медиумов, опирался на предложенный физиком Уильямом Робертом Гроувом закон непрерывности (“the law of continuity”), согласно которому все виды физического взаимодействия могут переходить одно в другое. Физик-спиритуалист Крукс в 1862 г. предполагал, проводя аналогию между жизнью человека и пламенем, что закон сохранения энергии может послужить обоснованию религиозной концепции бессмертия человека. Электрик Варлей, приложивший руку к созданию трансатлантического телеграфного кабеля, апеллировал к техническим разработкам в деле налаживания нового канала связи «с другим берегом». При этом Ноакс напоминает о том, что «исследования психизма» как научная программа и религиозное движение спиритуализма, хотя и были в известных случаях ассоциированы, часто конфликтовали друг с другом.

В завершение первой главы Ноакс показывает, что расширение границ физики вызывало дискуссии между сторонниками теистической физики, спиритуалистами и научными натуралистами, которые различным образом представляли себе «нормативное» соотношение науки и религии. Вопрос о том, может ли физика дать нужные теории, инструменты и методы для исследования загадочных явлений, ассоциированных с животным магнетизмом и спиритуализмом, оставался дискуссионным в 1860-е гг. В то время как одни физики защищали принцип несводимости сознания к физике (например, Джеймс Максвелл и Уильям Томсон), другие стремились доказать его реальность посредством обращения к физическим теориям и опытам. Новый этап в физических исследованиях психизма наступил в 1870-е гг., когда благодаря широкому развитию журнального дела защитники физического подхода к «явлениям» получили новые средства для популяризации своей научной программы. Вышедшая в 1871 г. статья физика Уильяма Крукса, популяризовавшая созданный юристом Эдвардом Коксом концепт «психической силы» (p. 170), положила формальное начало истории исследований психизма как отдельного направления научных исследований: «...будучи чем-то действующим за пределами тела, психическая сила хорошо удовлетворяла стремлению Кокса к антиматериалистической, но не-спиритуалистической психологии» (p. 251).

Во второй главе автор сосредотачивает внимание читателей на идентичности физиков, исследовавших явления психизма, прежде всего ассоциированных с английским научным объединением – «Обществом психических исследований» (далее – ОПИ). Возникновение и деятельность ОПИ рассматривается Ноаксом в контексте институционализации психологии, а также в сопостав-

лении с деятельностью других объединений, к примеру Метафизическим обществом (1869–1880). Большинство членов обществ, возникавших на волне институционализации психологии, верили, что «христианская теология, метафизическая философия и то, что они считали материалистической наукой, не способны дать удовлетворяющий ответ на вопрос о человеческой природе» (p. 78). Главной теоретической предпосылкой возникновения программы «психических исследований» стал эволюционизм, в соответствии с принципами которого стремились построить новую науку представители появлявшихся психологических обществ.

Определяя профессиональную аффиляцию участников ОПИ, Ноакс показывает, что изначально небольшое количество физиков среди профессиональных ученых (10 процентов от всего состава) к концу столетия сохраняется с одновременным увеличением членства и, в процентном отношении, увеличением количества лиц, имеющих психологическую и медицинскую подготовку. Физики в ОПИ занимали скромное положение, поскольку их исследования ассоциировались другими участниками движения с «физическим медиумизмом», неоднократно дискредитированным разоблачениями известных медиумов, к примеру Уильяма Эглинтона и Эвзапии Палладино. Партия «скептиков» (“hard-of-believe” section), в целом доминировавшая в ОПИ, представленная в том числе одним из его лидеров со значительной физической подготовкой Элеонорой Сиджвик (кроме нее, в объединении состояла еще одна женщина-физик – Мария Кюри), гораздо больше симпатизировала исследованиям «чисто психических» явлений (к примеру, автоматическому письму, ясновидению и телепатии) и разработке соответствующих теорий, например концепции «подпорогового сознания» Фредерика Майерса. Ноакс отмечает, что отчасти по этой причине, а также, возможно, по причинам финансового, социального и прагматического характера физики в ОПИ в большей степени, нежели ориентированные на психологию «скептики», были расположены к взаимодействию со спиритуалистами.

Ноакс также не обходит стороной ученых, не принимавших участия в ОПИ, но занимавшихся исследованиями психизма, – таких лиц, проявлявших интерес к «явлениям» начиная с 1850-х и заканчивая 1930-ми гг., ему удалось насчитать 75 человек. Несколько парадоксально – особенно для отечественного историка науки – выглядит включение в этот список Д.И. Менделеева на том основании, что он, при известном критическом отношении к этим явлениям в 1870-е гг., все же в отличие от критиков, предпочитавших их игнорировать как «нонсенс», нашел время на их физическое исследование и последующую за ним полемику.

Отвечая на вопрос о причинах интереса физиков к психическим явлениям, Ноакс обращается к изучению их профессиональных связей. Указывая, что такие известные физики-спиритуалисты, как Баррет и Лодж, были учениками Джона Тиндаля, он подчеркивает, что было бы «абсолютно неадекватным» (p. 119) считать, что интерес физиков к новой научной программе был обусловлен исключительно влиянием авторитета успешных физиков. В то же время, указывая на значение прямой коммуникации как средства распространения интереса к явлениям психизма, он отмечает педагогическую деятельность Лоджа и Артура Чаттока, способствовавших обращению некоторых своих учеников к интересовавшим их вопросам. Ноакс указывает, что физики могли встречаться не только в ОПИ, но и в других специализированных научных обществах, отдельно говоря о роли университета Кембриджа как одного из институтов, служивших площадкой для исследований психизма (при этом Ноакс учитывает критическое отношение многих физиков Кембриджа, прежде всего Джорджа Стоукса и Максвелла, к этой исследовательской программе из-за ее ассоциации со спиритуализмом, а также вследствие их личных христианских убеждений). Обратившись к анализу мотивов исследователей психизма, Ноакс специально указывает на следующие: опыт знакомства с «явлениями» лиц, которым человек безусловно доверяет; личный опыт, как, например, в случае с физиком Варлеем, магнетизировавшим свою жену Эллен, через которую в трансе говорили духи; невозможность апелляции к известным силам природы для объяснения наблюдаемых «явлений», требовавших разработки их научного объяснения; утрата близкого родственника, как в случаях с Круксом, потерявшим младшего брата в 1867 г., и Лоджем, чей сын Раймонд был убит в 1916 г. на полях сражений Первой мировой войны.

В конечном счете, с точки зрения Ноакса, главным побудительным мотивом к исследованиям подобного рода была «предполагаемая возможность расширить границы физических наук в теоретическом, концептуальном и экспериментальном направлениях» (p. 122). Особый интерес представляет во второй главе анализ мотивов Баррета, Лоджа и Бальфура Стюарта, открыто исповедовавших христианскую веру, хотя и стремившихся ее различным образом «модернизировать» в соответствии с либеральной и эволюционной интеллектуальной повесткой эпохи. Различный христианский бэкграунд можно выявить у многих исследователей психизма, подавляющее большинство которых являлись теистами (наиболее ярким исключением из общего правила был инженер и теософ Уильям Кингсланд). Ноакс указывает, что определенную роль в формировании положительного ареола «исследований

психизма» сыграли корифеи английской теистической физики – Стоукс, Максвелл и Томсон, которые, хотя и относились к этой программе критически, «придали британской физике антиматериалистический и антидетерминистский уклон, утверждая, что правильное понимание энергии, эфира и материи оставляло открытой возможность существования разума, как человеческого так и божественного, независимого от материи» (p. 136). При этом Ноакс не считает правильным объяснение интереса исследователей исключительно религиозным мотивом, указывая, что распространенная в викторианскую эпоху «кризисная» модель – отход от детской веры к атеизму с последующим религиозным обращением – не работает в некоторых исследованных им случаях (например, она приложима к Майерсу и Генри Сиджвику, но не находит подтверждения в биографиях Крукса и Лоджа).

Завершая главу, Ноакс ставит вопрос о причинах динамики интереса участников движения к явлениям «психизма». Он перечисляет мотивы, по которым исследователи разочаровывались в движении, к примеру, указывает на значимость репутационных издержек, а также широкое распространение обмана на сеансах физических медиумов, побуждавшего некоторых исследователей отказываться от экспериментов, ограничивая себя теоретизированием. В то же время три известных физика-спиритуалиста (Крукс, Баррет, Лодж), образовывавших в ОПИ костяк, по выражению Элеоноры Сиджвик, «секции, смотрящей в будущее» (“forward” section), не только сохраняли, но и значительно развивали свои интересы в области психизма на протяжении десятилетий.

Третья глава посвящена анализу теорий и принципов физиков, исследовавших явления психизма. Ноакс подчеркивает значение теистической физики, популяризовавшей в лице Стаюрта Бальфура и Питера Тейта «принцип непрерывности» (“principle of continuity”), который, с их точки зрения, «мог бы быть использован для заполнения очевидных разрывов непрерывности в космосе – включая исчезновение человеческой души после смерти тела, библейские чудеса и происхождение видимой вселенной» (p. 140). Как указывает Ноакс, большинство физиков XIX столетия верили в то, что «мысль может быть соотнесена с некоторого рода движениями атомов в человеческом мозге» (p. 171), в то время как «современная физиология предполагала, что человеческие мысли (и таким образом личность) могут быть связаны с энергией молекул, образующих мозг, и тем самым оставалась возможность для того, чтобы некоторые из этих “энергий” могли быть переданы при посредстве эфира в невидимую вселенную, в которой они формировали постоянное духовное тело» (p. 140). Используя также и иные примеры, Ноакс демонстрирует, что

интерес к психическим явлениям формировался в непосредственной связи с физической теорией второй половины XIX в.

Наиболее популярным из принципов научного анализа среди исследователей психизма был принцип фальсификационизма: они регулярно обращались к излюбленным примерам, опровергавшим устоявшиеся воззрения, – железной дороге, фотографии, спектральному анализу и телеграфу. Указывая на антропологическое измерение научного познания, Крукс, опираясь на знакомые ему теории молекулярной физики, предложил помыслить микроскопического гомункулуса, который вследствие своего размера понимал физический мир совсем иначе, нежели человек. В частности, для него первостепенную важность имела сила броуновского движения, в то время как сила гравитации казалась довольно эфемерной. Исследователи психизма обычно настаивали на необходимости научной «скромности» в притязаниях современной физики на обладание истинным знанием, приветствовали поиск «лакун» и «исключительных случаев» как средств быстрого изменения физической теории. Ноакс проводит параллель между исследованиями «психических явлений» и исследованиями явлений атмосферы, которые также отличались «капризностью», а шаровая молния служила исследователям психизма примером «необъясненного» и довольно редкого явления, возникающего при неустановленных условиях. Исследователи психизма обычно отрицали предел познания природы и, соответственно, апеллировали к открытости знания как необходимому условию развития науки.

Исследователи психизма ссылались на вызывавшие дискуссии физические явления, невидимые невооруженным глазом и возникающие в особых условиях, к примеру, в полной темноте можно было легче всего наблюдать эффекты разряда электричества в газовой среде (p. 149). Подобного рода опыты соотносились физиками-спиритуалистами с требованием проведения сеансов в абсолютной темноте или при сильно приглушенном свете. Варлей указывал на трубку Генриха Гейслера, фотографирование которой позволяло зафиксировать существование невидимых для обычного глаза особенностей электрического разряда. Крукс демонстрировал научному сообществу открытое им явление «лучистой материи», которое свидетельствовало о том, что на молекулярном уровне границы между материальным и нематериальным несколько размывались. Согласно замечанию Ноакса, «в то время как Варлей размывал границу между материальным и нематериальным, демонстрируя материальные свойства не-материальных веществ, Крукс хотел достигнуть того же, показав, как материальная сущность демонстрировала свойства непредсказуемой, нематериальной, но в то же время физической сущности» (p. 152).

Критикуя традиционные представления о «материальном», исследователи психизма обращались также к новаторским идеям физической теории. С точки зрения Лоджа, теория электрона демонстрировала, что «основанием» материи могла быть признана нематериальная сила электрической природы, и таким образом, «поскольку материя казалась в основе своей электрической, эфирной, нематериальной или даже ментальной, постольку не так уж сложно было помыслить возможность телекинеза» (p. 155). Говоря об эфемерности «материального», исследователи психизма также указывали на феномен радиоактивности, происхождение которой Эрнест Резерфорд и Фредерик Содди усматривали в распаде химического атома. Кроме того, важную роль в конце XIX в. продолжал играть неуловимый, но необходимый для физической теории света того времени эфир, на который исследователи психизма часто указывали, наделяя его необходимыми для их теорий свойствами: «... идея о том, что твердые объекты могут проходить через другие твердые объекты не была невозможной в свете “представления” (которое разделяли Рамзай и другие ученые) о том, что материя была “всего лишь одним из факторов энергии” в форме вихревого движения разреженного эфирного медиума» (p. 158).

Ноакс указывает на значение метода аналогии, игравшей значимую роль в физической аргументации XIX столетия. Понимая известную ограниченность этого метода, физики использовали его как средство объяснения интересовавших их явлений, например, Баррет проводил аналогию между человеком в состоянии магнетического транса и физическим феноменом чувствительного пламени (“sensitive flame”). Феномен чувствительного пламени, реагировавшего на звуковые колебания, объяснялся физиками через идею резонанса, которая была экстраполирована Барретом на психику, также, по его мнению, способную «резонировать» в согласии с внешними импульсами в определенных состояниях, *подобных* состоянию чувствительного пламени. Кроме того, Ноакс специально анализирует влияние физики Максвелла на исследования психизма, прежде всего в связи с открытием электромагнитных волн в 1888 г., существование которых считалось аргументом в пользу существования «светоносного эфира».

Ноакс показывает, что многие «оккультные» концепты были укоренены изначально в физических исследованиях. Например, концепцию окружающей тело газообразной атмосферы, предложенную физиком Бенджамином Вардом Ричардсоном в статье 1871 г. «Теория нервной атмосферы», можно соотнести с популярным оккультным концептом «ауры», прежде всего ассоциировавшуюся в начале XX в. с сочинением врача Уолтера Килнера. Кроме того, он показывает в свете развивающейся физической

теории, почему такие концепты, находившие отклик у широкой публики, могли также интересовать серьезных ученых. К примеру, концепция мозговых волн, изначально предложенная как «грубая гипотеза» в 1869 г. журналистом Джеймсом Ноуэлсом (James Knowles), после открытия электромагнетических волн обретала большую степень вероятности. Ноакс также не забывает о физиках, критиковавших исследования психизма, разбирая их теоретические аргументы (например, явления психизма нарушают многие известные физические законы) и религиозные основания (например, Максвелл не хотел принять новую программу из-за своего критического отношения к попыткам натуралистического объяснения духовного мира).

По мнению Ноакса, «историки физики XIX столетия преуменьшали значение человеческого тела» (p. 168) как предмета исследования физиков, в то время как именно в этой точке скрывалась, по убеждению исследователей психизма, разгадка соединения физики и психики. Он отмечает, что исследования воздействия магнетического поля на человеческую физиологию, которыми активно занимались многие физики в конце XIX в., стимулировали возвращение некоторых физиков к наследию Рейхенбаха и его перепроверке.

Четвертая глава посвящена средствам физического исследования, которые, с точки зрения исследователей психизма, позволяли разгадать природу интересовавших их явлений. Ноакс подробно анализирует экспериментальные «кейсы», в которых участвовали профессиональные ученые и были задействованы разные научные приборы. Среди этих «кейсов» – домашняя лаборатория Крукса (опыты с Д.Д. Юмом, Ф. Кук и А.Е. Фей в 1870-е гг. с использованием механических приспособлений для изучения «психической силы» и электрических средств контроля медиума); опыты «Рейхенбаховской комиссии» ОПИ, которая в 1883 г. «выявила» Джорджа Альберта Смита в качестве «сенсетива», способного видеть в темноте свечение магнетического поля (с. 220); исследования физиком Сильванусом Томпсоном в 1900-е гг. влияния сильного магнетического излучения на зрение; проект «психической лаборатории» Лоджа 1894 г., которую он планировал сделать по образцу новейших психологических лабораторий, а также некоторые другие.

Понимая, что, несмотря на десятилетия упорного труда, их заслуги не получают достаточного признания со стороны физического сообщества, исследователи психизма начиная с 1900-х гг. все больше стремились превратить места исследований медиумов в места, в большей степени напоминающие лаборатории экспериментальной физики (p. 184). Трансформация «мест для сеанса

в лаборатории, а лабораторий в места для сеансов оказалась не настолько эффективной, насколько могли надеяться исследователи» (p. 188). Причина такого положения дел заключалась в отсутствии подходящих субъектов для экспериментов, а также желании многих физиков заниматься исключительно «чисто физическими вопросами».

В пятой главе Ноакс рассказывает, почему физики были убеждены в том, что они лучше подготовлены к исследованию явлений психизма, нежели кто-либо другой. Многими известными членами ОПИ, например Герни, экспериментирование противопоставлялось историческому исследованию, и соответственно для работы в рамках новой научной программы профессиональные навыки практикующего физика или врача не являлись обязательным условием допуска (p. 257). Физики, естественно, не были с ним согласны, например, Лодж считал, что наблюдение и классификация не могут считаться доказательными настолько, насколько доказательным считается эксперимент. Кроме того, многие исследователи психизма критически относились к спиритуалистам, упрекая их в поспешности выводов и недостаточной подготовке, в ответ спиритуалисты критиковали инструментализм и физикализм исследователей психизма.

Ноакс также затрагивает сложный вопрос соотношения исследований психизма и экспериментальной психологии, прежде всего ее американских представителей (Г.С. Холл, Дж. Ястроу, Г. Мюнстенберг), критически относившихся к новой научной программе. Они связывали признание «явлений» исследователями психизма с отсутствием навыков и знаний в экспериментальной психологии, а также со слабым знакомством с искусством фокусничества. В борьбе с ними, по замечанию Ноакса, «ключевая риторическая стратегия, которой придерживались психо-физические исследователи, заключалась в том, чтобы подвергнуть критике различение физических инструментов и людей, которого придерживались многие психологи» (p. 261). Отвечая на критику, исследователи психизма указывали на сложность устройства некоторых физических приборов, например спектроскопа: «...большинство людей сталкивались с трудностями в обнаружении ярких эмиссионных линий за пределами фиолетовой области, но это еще не означало, что другие люди занимались самообманом» (p. 266). В связи с этим Элеонора Сиджвик указывала на значение человеческого фактора в физических исследованиях, обращаясь к нашумевшей истории «обнаружения» N-лучей Рене Блондло. Наконец, разбираясь в сложном характере отношений исследователей психизма и фокусников, Ноакс указывает на то, что, реагируя на критику, ОПИ стала с ними активно сотрудничать (например, с Джоном

Маскелайном и Анжело Льюисом), признавая значение их квалификации для разоблачения подложных явлений.

В фокусе внимания шестой главы – популяризация психических исследований в начале XX столетия. В то время как ранние труды исследователей психизма дистанцировались от религиозных вопросов, в фокусе внимания их более поздних популярных сочинений были общие вопросы отношений науки и религии. Подобное позиционирование должно было привлечь дополнительное финансирование и внимание широкой публики к повестке ОПИ, в особенности в эпоху между двумя мировыми войнами (p. 284). В деле популяризации программы исследований психизма преуспел Лодж – его труды «Человек и вселенная» (1908) и «Выживание человека» (1909) были многократно переизданы. Ноакс анализирует степень модернизации христианской теологии в трудах Барета и Лоджа, а также пишет о влиянии теософии на популярную доктрину «оккультной физики» Уильяма Кингсланда.

Исследователи психизма реагировали на вызовы «новой физики», и ее постепенное утверждение, в принципе, может быть соотнесено со сменой поколений среди английских исследователей психизма. К примеру, Лодж упрямо защищал представление о существовании «эфирного тела» в связи с апологией эфира против специальной теории относительности Эйнштейна. В теории Эйнштейна Лодж увидел угрозу идее «непрерывности» вселенной (p. 301), а кроме того, не был согласен с принципом индетерминизма, настаивая на универсальном характере причинно-следственной связи. При этом Лодж не думал, что новые теории могут послужить спиритуализму и религии, на что обращали внимание новые молодые исследователи, готовые отказаться от концепции эфира, например B.P.C. Куд-Адамас, Мальком Берд и Рене Судре (p. 324).

Новое поколение исследователей также выработало новый инструментарий для фиксации психических явлений. Ноакс отмечает, что инженеры и физики, работавшие с беспроводными средствами связи, долгое время продолжали пользоваться теорией эфира из-за ее удобства. В рамках некоторых теорий радио 1920-х гг., например в работах Хереварда Каррингтона, Томаса Эдисона и Квентина Крауфарда, не отрицалась возможность его использования для общения с «духами» – радио должно было устранить живого «медиума» и возможность обмана. В конечном счете, по замечанию Ноакса, «профессиональные ученые, которые были членами ОПИ в 1920-е и 1930-е гг., похоже, согласились с тем, что психические исследования следовало бы правильнее рассматривать как ветвь психологии нежели физики или даже физиологии» (p. 322), – в этом отношении физические исследования психизма переживали кризис.

В заключении Ноакс говорит, опираясь на примеры Джозефа Райна и Роберта Стратта, о новом поколении исследователей психизма и «первом поколении парапсихологов» (p. 329), которые в 1930–1940-е гг. критиковали старые физические исследования и разрабатывали новую методологию, а также дает абрис дальнейшего развития движения. Он отмечает, что, помимо «новой физики», у исследователей, стремившихся использовать физическую оптику и методологию для исследования человеческой психики, сохранялся интерес к электромагнитной теории. Кроме того, в 1970-е гг. наметился поворот к сближению физики и исследований природы сознания, с легкой руки американского аэрокосмического инженера Джеймса Беала (James Beal) возникло новое направление – «парафизка», не менее противоречивое и малодоказательное для большинства современных физиков, чем исследования психизма и парапсихология.

Трудно сомневаться в актуальности исследования Ноакса. Оно представляет интерес для историков науки, интересующихся авангардными направлениями научной мысли викторианской и эдвардианской эпох; историков религии, заинтересованных в углублении понимания отношений между христианством и наукой того времени; историков оккультных учений Нового времени, специфика которых неразрывно связана с научными представлениями, в том числе генетически восходящими к физическим исследованиям. Ноакс прекрасно демонстрирует научную логику исследователей психизма, показывая, что их исследования были не временным помешательством на религиозной почве (взгляд до сих пор встречающийся в отечественной историографии), но всего лишь отдельным направлением развития научных исканий того времени.

Ноакс утверждает, что в свете некоторых физических теорий и экспериментов такие «загадочные» явления, как телекинез или материализация, переходили для исследователей психизма из категории «невозможного» в категорию «возможного». Для них такие явления были «паззлом» (p. 18), решение которого можно было найти, используя соответствующие физические инструменты и теории. В то же время Ноакс подводит читателя к мысли о том, что некоторые явления – независимо от того, были ли они реальные или поддельные – стимулировали изменения в физической теории, подталкивая некоторых исследователей к разработке новаторских концепций. Данный тезис, который Ноакс дополнительно проговаривает в конце своей работы, не показался мне достаточно обоснованным, однако, можно согласиться с тем, что хотя бы в этом могла заключаться, возможно, несколько парадоксально, позитивная роль «явлений» и, соответственно, медиумов

в развитии физической науки, призванной к решению запутанной медиумической «головоломки».

Сочинение является фундаментальным исследованием физических исследований явлений психизма в Англии последней трети XIX – начала XX в. и может считаться современной отправной точкой для всех желающих лучше понять характер развития физической теории в рассматриваемую Ноаксом эпоху.

Информация об авторе

Владислав С. Раздъяконов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; razdyakonov.vladislav@gmail.com

Information about the author

Vladislav S. Razdyakonov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; razdyakonov.vladislav@gmail.com